Летающая улитка

Мария Бушуева

SHOUT
SHARE
IT

- Мария Бушуева

Мария Бушуева
ЛЕТАЮЩАЯ УЛИТКА

…и тропинка, выводящая к реке, темная от влажных больших деревьев, и листья их, усыпанные сплошь улитками, миллионы улиток, они падали, на них страшно было вдруг наступить и приходилось пристально смотреть под ноги, чтобы не раздавить крошечный завитой домик, к тропинка, выводящая к реке.

…и река, и сухой песок, привезенный с другого берега, где постоянно и надрывно гудела машина, вымывающая гравий, и какой-то мальчик, пахнущий тиной, сидящий на ледке, свесив ноги в воду, упругие и загорелые ноги, искусанные комарами, и река, и песок.

…и непонятная грусть то ли об уходящем детстве, то ли о том, что сбудется, конечно, но станет незаметным, как собственная кожа, то ли наоборот о чем-то, чего никогда не будет, да и нужно ли оно, а всё равно грустно, так и бредешь по песку, привычно не замечая утомительного гудения на том берегу, наклоняешься, подбираешь ракушки, правда, ракушка — это бабочка, сложившая крылья? останавливаешься у воды и замираешь, когда мальки мгновенной сетчатой тенью проскользят над золотистым дном и опять пугливо уйдут в глубину, и непонятная грусть.

Все было так. Все было, как бывает у всех. Длинные выгоревшие волосы, первые долгие вечера у костра. Кажется, чуть обгорели ресницы? Шумящий лес, опрокинутая лодка, мальчик, пахнущий тиной. Нравился? Тем, что так прост — и оттого непонятен. Деревенский мальчик — как удивительно! Жить всегда в деревянном покосившемся доме, кудахчут куры, разве можно убить того, кого вырастил сам? собаки валяются в пыли, что за странная жизнь, разве она еще существует, разве автомобили не смяли зеленые крылья травы, разве самолеты не подрезали серебристые волны деревьев? не сломали, не раздавили, не унесли потом туда, туда, куда скоро устремишься и ты, маленькая любительница автомобилей и самолетов, глядящая тогда на его искусанные комарами коленки, точно в собственный сон, нет, в два угловатых, незавершенных собственных сна, только сны, только дрема, мой друг, только пузыри-фантомы на поверхности твоей воды, впрочем так всегда и у всех. А возможно, и вообще никогда никогда никогда, и все начинается лишь сейчас. Ты прав: все начинается лишь сейчас.

Никогда. Я настаиваю, слышишь. Будущее целую, а прошлое

давно сгорело. Ничего. Кажется, твои ресницы тогда чуть-чуть опалило? Не было, не было никакого тогда. Никого. Но твои ресницы… Мои? Нигде. Спроси меня, что там позади, в той глубине, в той темноте, и я скажу: пустота. Я отвечу тебе не солгав: ты прав, никогда ничего никого нигде. Все действительно начи

на, нет, началось, уже началось.

И тропинка, и река, и непонятная грусть.

Маленькой любительницы автомобилей и самолетов больше не существует. Она приземлилась, приникла к земле, застыла? Нет, она превратилась.

И тропинка.

Да, я никогда не боялась пойти по незнакомой дороге, тропе, дорожке, тропинке (дальше продолжай сам, их много — слов, обозначающих неожиданную возможность выбрать, свернуть, повернуть, изменить, измениться), я любила мчаться по неизвестному ночному шоссе — когда огоньки, огоньки, огоньки. Миллионы светящихся жизней, завиваясь поземкой, мимо, мимо. Но мне кажется, что я шла и шла, и летела, и даже ползла (множество существует глаголов, которые ты можешь подобрать сам) только к той, увиденной мною во сне тогда (тогда — только сон, только сон), но существующей лишь в сейчас) и в завтра? И в завтра. Не бойся), к той зеленой тропинке в темных деревьях затерянной, листья которых усыпаны крошечными ракушками, домиками улиток.

И река. И песок.

Она превратилась в улитку.

Ступая медленно по ее завитку, ты попадешь в океан.

Ухо Вселенной.

Завязь жизни иной. Маленький инопланетянин, привет!

Ты.

Не было, не было в жизни моей ничего: ни детства (помнишь, как мама сыграла тебе траурный марш, когда кукла разбилась?), ни юности дальней (сонная листва тополей в городском дворе и сосед с голубой щетиной на лице инвалида), ни первой любви, ни второй любви, ни третьей, четвертой, пятой… Я никогда не любила в тогда.

Что же было?

То, что сейчас.

Полутемная, влажная тропинка, листья, усыпанные улитками, и ты вдруг, странно светясь, незаметно оборачиваешься вокруг себя, поджимаешь долгие ноги, обхватываешь худенькие плечи руками, ты сжимаешь ладонями все крепче, все крепче свои плечи, ощущая нежную росу в ямках под ключицами, ты

подтягиваешь колени (с двумя тонкими белыми шрамиками) почти к подбородку — и медленно поднимаешься над тропой, ты летишь — и твое сердце, наивное и мудрое сердце, посылает свои светящиеся пульсирующие сигналы другим летающим улиткам нашей Вселенной. Ведь и она, Вселенная, лишь ЛЕТАЮЩАЯ УЛИТКА.

И твой дом взмывает в небо вместе с тобой, чтобы утром, когда на реке надрывно и упрямо загудит машина, перемывающая песок, когда мальчик с кудрявым чубом и с крепкими загорелыми ногами, искусанными комарами, сядет с удочкой на берегу, когда мальки пугливой сетью мелькнут над золотящимся дном и снова, как твой сон, как миллионы твоих маленьких снов, уйдут в глубину, вернуться сюда — на зеленую влажную тропу нашего с тобой земного пути.